

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
совсѣмъ приложені-
ямъ и съ пересылкою:

5 руб.

На годъ . . . 2 руб. 60 коп.
На полгода . . . 2 руб. 60 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: впередъ текста 1 руб. 20 коп.
позадъ текста 60 коп.
за мѣсто, занимаемое строкою полнорейды.
Переимѣна адреса (и погородн. на погородн.), 15 к.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ:

художественно-литературныхъ журналовъ „Новаръ Иллюстраціи“ и „Новое Слово“.

Всѣ статьи для помѣщенія въ газетѣ должны быть доставлены непремѣнно съ подписью и съ адресомъ автора, безъ чего онѣ печататься не будутъ. Статьи, рисунки и фотографіи, доставленные безъ обозначенія условій, издаются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи обратно не возвращаются.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
совсѣмъ приложені-
ямъ и съ пересылкою:

1 руб. 35 к.

На ТРИ мѣсяца . . . 1 руб. 35 к.
На 1 мѣсяць . . . 45 коп.
ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА (безъ пересылки) — 2 к.

Главная Контора и Редакція
СПБ., Галерная ул., собств. д., № 40.
Телефоны: 100-832 и 233-03.
Адресъ для телеграммъ: Биржевыя Вѣдомости.

№ 16. XVII годъ изданія (I изданія—XXX).

Четвергъ, 21-го января 1910 г.

Чеховские дни.

Пятидесятилетие со дня рождения Чехова в наши столицы вспомнили и пережили очень тепло; теплее, чем это досталось бы на долю многих первоклассных писателей.

Чувство трудно регулировать или делать его ответственным за его недосказы или преувеличения...

Но теперь и наступает момент более трезвой оценки того, что оставил после себя Чехов, как художник, и что представляет собою «удельный вѣсъ» его личности, как человека его генерации.

До сих пор, повидимому, это было не легко. Не было середины: или двусдушная злобности в видѣ личных воспоминаний его ближайших «собратов» по перу, или же диенрабмы, стихотворения в прозе, расплывчатая сладости.

Средины никакой. А, стало быть, и никакого объективного мѣрила оценки...

Почти та же нота слышалась и на поминках 50-лѣтія в Москвѣ; но раздались и более смѣлая оценка, если не в рѣчах то в статьях, появившихся в газетах 17 января 1910 г.

Изъ нихъ, по-моему, особенно выделяется горячая и чуткая отповѣдь извѣстнаго искателя «человѣко-божества», поэта, романиста и... вѣроучителя.

Разсказывая о своихъ встречахъ съ Чеховымъ, онъ искренне заявляетъ, что они съ нимъ разошлись в разнѣ стороны, какъ мозги двухъ слишкомъ несходныхъ людей.

Но это не помѣшало ему высказать очень опредѣленно и вѣско, что нельзя видѣть въ Чеховѣ—учителя, какъ кричали до сихъ поръ его слишкомъ прямолинейные поклонники...

И развѣ это не правда? Не нужно было и приводить примѣровъ Толстого и Достоевскаго (тѣ, дѣйствительно, «учителя»), чтобы показать вѣрность подобнаго отрицательнаго опредѣленія.

Такая оговорка критика, высоко ставящаго художнический талантъ Чехова, звучитъ крупнымъ и вѣрнымъ словомъ. И противъ нея нельзя уже возмущенно возражать, какъ, напр., противъ статьи, напечатанной еще в 1904 г., другого критика, появившейся в «Вѣстникѣ Европы». Та была уже слишкомъ рѣзкимъ контрастомъ съ общимъ хоромъ почитателей Чехова.

Не вина покойнаго писателя, что его—создателя хмурыхъ и дряблыхъ «нытиковъ» нашего безвременья—произвели чуть не в революціонеры и в указатели новыхъ путей всѣмъ намъ—и юнымъ, и зрѣлымъ, и престарѣлымъ!...

Разумѣется, это было такое же вопиющее недоразумѣніе, какъ и то, что либералы 30-хъ и 40-хъ годовъ превратили Гоголя в поборника освободительныхъ идей.

Это все—фантазмы дурно-направленныхъ симпатій... И, если бы Чеховъ ожилъ, онъ, первый, сказалъ бы своимъ энтузіастамъ:

— Голубчики, или ничего обо мнѣ не говорите, или говорите настоящую правду.

Онъ самъ долженъ былъ сознавать, что его субъективная личность не позволяла ему захватывать, болѣе синтетически, «среднюю пропорціональную» русской жизни. А въ героической сторонѣ жизни молодежи, къ ей революционному (въ явной-ли, въ подпольной-ли формѣ) складу порываній, правотъ и навыков у него не было особаго интереса. Но и какъ у него не было особаго интереса. Но и какъ изобразитель интеллигентныхъ типовъ и представителей ихъ поколѣній, онъ бралъ то, что ему казалось болѣе курьезнымъ или по-вымымъ, въ отрицательномъ, а не въ положительномъ смыслѣ...

Возьмемъ, напр., лица его двухъ профес-

соровъ—изъ исповѣди извѣрившагося въ себя знаменитаго профессора или комическаго персонажа—изъ «Дяди Вани».

Развѣ передъ каждымъ изъ насъ не возникаетъ цѣлая галерея русскихъ университетскихъ преподавателей за нѣсколько десятилѣтій, среди которыхъ вы врядъ-ли бы нашли прототипы такихъ двухъ чеховскихъ «героевъ»?..

Мы не имѣемъ права требовать отъ писателя: «выбирай то, а не иное лицо». Но для «бытописателя-реалиста» типична я правда есть правда—центральная, синтетическая, а не частичная.

Сколько разъ еще при жизни Чехова раздавался вопросъ: «почему онъ не напишетъ романа?»

Потому, вѣроятно, что романъ требуетъ именно синтеза, опредѣленнаго трактованія цѣлой полосы жизни, цѣлой среды, цѣлаго общества.

«Настроениемъ» и отдѣльными фигурами, случайно собранными на извѣстномъ пространствѣ, нельзя создать стройной совокупности, какай требуется отъ широкой картины.

Въ Чеховѣ надо цѣнить великаго художника слова, въ его субъективной манерѣ—живо писать и душу человѣка, и его бытовую среду, и природу.

То, что будетъ производить всего дольше обаяніе,—это его языкъ. Но и тутъ, въ русской критикѣ, до сихъ поръ нѣтъ болѣе серьезной, детальной оценки, въ чемъ состояла новизна тона, приемовъ, ритма и словаря въ Чеховѣ—повѣствователѣ? Есть указанія вскользь; но нѣтъ ничего исчерпывающаго. Видѣ его «нисымо» не съ неба свалилось. Между Толстымъ и появленіемъ настоящаго Чехова (а не Чехонте) въ половинѣ 80-хъ годовъ русская художественная проза выработала себѣ уже нисымо, съ которымъ для правильной оценки слѣдовало бы всегда сравнивать языкъ Чехова въ разныхъ смыслахъ.

Это, конечно, придетъ не нынче-завтра; а пока желательно было бы и о чело-вѣкѣ своей эпохи, объ интеллигентѣ извѣстной писательской среды слышать и читать что-нибудь болѣе объективное, а не въ юбилейномъ только (или номинально) подвинченномъ тонѣ.

Чеховъ въ этомъ не нуждается.

Вѣда въ томъ, что его слишкомъ выделяютъ, не хотятъ поставить рядомъ и съ тѣми, кто его отцы и старшіе братья по литературѣ, и съ его ближайшими сверстниками.

Тогда только и получилось бы вѣрное опредѣленіе того, что онъ доподлинно представлялъ собою по уровню своего умственного развитія, по своимъ высшимъ качествамъ характера и правотѣ, по роли, какую игралъ въ окружавшей его средѣ. Тогда выяснится и то, какъ эта именно среда вліяла и на него самого; что слѣдуетъ видѣть въ немъ самомъ продуктъ эпохи, момента и особенностей его житейской судьбы.

Теперь еще не поздно произвести самыя точныя и содержательныя развѣдки.

Нѣтъ ничего хуже, какъ легенда, мнѣе, сказаніе, создаваемые подъ натискомъ общаго увлеченія. И чѣмъ оно горячѣе, тѣмъ объективная истина будетъ болѣе страдать.

Всего разительнѣе это сказывается въ теперешней оцѣнкѣ Чехова, какъ драматурга.

Москва (гдѣ Чеховъ нашелъ такую сцену, какъ Художественный театр) всего сильнѣе поработала надъ этой легендой.

Пьесы Чехова—милыя вещи, дающія вѣрную ноту его настроеній, всего болѣе—той жалостливой печали, которую облюбованный имъ міръ лишнихъ людей вызывалъ въ авторѣ.

Но эти своеобразныя «драмы»—не что иное (на взглядъ болѣе требовательной кри-

тики), какъ діалогическая форма его повѣстей и разсказовъ.

Такой взглядъ надо опровергнуть, а не довольствоваться торжественнымъ заявленіемъ, что театр Чехова во всей своей совокупности есть новое и побѣдоносное слово драматической поэзіи, хотя бы даже и на протяженіи развитія русской драматургіи.

Когда чеховскій «Ивановъ» былъ поставленъ въ Петербургѣ, то какой-то богатый помѣщикъ на ужинѣ, данномъ въ честь Чехова, восторженно поставилъ «Иванова» рядомъ съ «Горѣ отъ ума»! Этотъ курьезный фактъ приводится, кажется, въ перепискѣ Чехова.

Конечно, повторить такую оцѣнку никто не рѣшился бы даже въ Москвѣ, даже и на празднованіи 50-лѣтней годовщины; но все-таки надо бы что-нибудь болѣе точное и вѣское въ такомъ вопросѣ, какъ права чеховскаго театра на первоклассныя драматическія достоинства.

Добролюбовъ, защищая когда-то малую сценичность самыхъ крупныхъ пьесъ Островскаго, называлъ ихъ «пьесами жизни».

Но насколько же «Не въ свои сани не садись», «Свои люди, сочтемся», «Бѣдная невѣста» и, въ особенности, «Гроза» отвѣчаютъ болѣе запросамъ сценическаго произведенія?

Словомъ, такой писатель, какъ Чеховъ, нуждается въ болѣе смѣломъ, разностороннемъ и объективномъ словѣ.

Одно уже выяснилось, что онъ никогда не былъ «учителемъ», а стяжалъ себѣ, не безъ основанія, имя поэта «безвременья», не захотѣвшаго или не сумѣвшаго отмѣтить во-время и тѣ скрытые или явные признаки движенія среди нашей молодежи, которое сказалось въ бурномъ взрывѣ 1905 года.

П. Боборыкин